

Вся свадебная процессия погрузилась в мертвую тишину. Вернее сказать, наглый инструмент Шэнь Хо попросту вытряс из собравшихся душу. Праздник, который должен был стать радостным торжеством, его стараниями превратился в форменный вынос тела.

Шэнь Хо словно разворошил осиное гнездо: натянутые улыбки на лицах призрачных крестьян медленно увяли. Теперь они сверлили парня ледяными взглядами, в которых читалось лишь одно желание — наброситься, содрать кожу и перемолоть кости.

— А ну хорош! — Мужик, который только что велел Шэнь Хо играть, бесцеремонно вырвал суону из его рук. — Тебе же ясно сказали: не смей дудеть! Ты оглох или ослеп?

Шэнь Хо посмотрел на него с самым невинным видом:

— Но вы же сами просили.

— В такой великий день ты затянул заупокойную! Издеваешься?!

Шэнь Хо безразлично пожал плечами, прикинувшись круглым дураком:

— Ну извините. Других мотивов не знаю.

Крестьяне лишь рты разинули от его наглости. Связаться с Шэнь Хо было их худшим решением — сами же напросились на эту пытку.

— Проваливай отсюда! Свободен! Не путайся под ногами и не мешай людям!

Выставленный из оркестра Шэнь Хо послушно отошел к углу дома. Он выглядел брошенным и несчастным, но у местных его сиротливый вид не вызвал ни капли сочувствия. Лишь убедившись, что на него больше никто не смотрит, он стер с лица маску обиженного сироты и принялся незаметно осматриваться.

Перед ним лежал типичный глухой поселок многолетней давности. Зажатые в кольцо суровых гор лачуги жались друг к другу, точно испуганные овцы. Квадратные, грубо сбитые дома громоздились у подножия склонов. Единственная горная тропа связывала этот затерянный мир с цивилизацией. В самом центре деревни раскинула ветви исполинская старая Деревня Сафора.

"Деревня Сафора", — мысленно повторил Шэнь Хо случайно услышанное название.

Пока он размышлял, по затылку пробежал ледяной холодок. Кто-то буравил его тяжелым, враждебным взглядом.

Шэнь Хо не стал оглядываться. Сделав вид, будто увлечен грохотом барабанов и тарелок, он боком пристроился к музыкантам и осторожно скосил глаза в сторону наблюдателя.

Там высился могучий, широкоплечий детина ростом без малого под два метра. Он буравил парня такой лютой злобой, словно тот только что увел у него из-под венца суженую.

И тут Шэнь Хо осенило. Да ведь это их гид!

Прежде этот человек вечно прятался под соломенным плащом и надвинутой на лоб бамбуковой шляпой, упорно скрываясь во тьме и не желая показывать своего лица. Но сейчас его глаза выглядели совершенно нормально, без всякого намека на потусторонний мрак. Вот только в повадках верзилы сквозило что-то совсем детское, незрелое...

В голове Шэнь Хо мгновенно сложился пазл. Сердце ухнуло куда-то вниз.

"Он провалился в иллюзию безголовой невесты. И это место — деревня, где ее когда-то принесли в жертву! А сегодняшняя свадьба — день, когда ее отдают на закланье неведомому чудовищу!"

Теперь понятно, почему обстановка казалась столь знакомой. Шэнь Хо уже видел эти сцены на потолке заброшенного дома.

Шэнь Хо покосился в сторону. Всего в паре шагов от него темнела заветная дверь. На ней все еще красовался праздничный иероглиф «Двойное счастье», вырезанный из красной бумаги, но сама створка была выкрашена в глухой черный цвет, а не в тот кричащий, кроваво-алый оттенок, что он видел на потолочном рисунке.

Стоило ему сделать шаг к двери, как на плечо легла тяжелая ладонь.

Шэнь Хо скосил глаза. На его плече покоилась мозолистая, натруженная рука работяги. Под забившимися ногтями виднелась жутковатая красно-белая грязь, а в нос ударил густой, приторный запах свежей крови.

— Тебе чего тут надо? — раздался за спиной голос гида.

— Да так, ничего, — Шэнь Хо расплылся в дружелюбной улыбке. — Заметил, что дверь приоткрыта, вот и решил помочь прикрыть.

Верзила заступил ему дорогу и потянулся к створке. Однако в самый последний момент его рука дрогнула. В глазах великана промелькнуло мимолетное сомнение, смешанное с мучительной внутренней борьбой. Шэнь Хо это не упустил.

И все же гид довел дело до конца.

Черная дверь со скрипом захлопнулась. Хотя засов поддался без труда, парень навалился на дерево так, будто ворочал тяжелые каменные плиты. На его предплечьях вздулись багровые, уродливые вены. Припав лбом к закрытой створке, он тяжело и прерывисто задышал.

Шэнь Хо так и не успел разглядеть лица невесты, но по поведению гида стало предельно ясно: тот прекрасно понимал, на какую участь обрекают девушку. И все же предпочел смолчать.

Праздничный пир катился своим чередом. Лица селян сияли улыбками, хотя в бодрой музыке то и дело проскальзывали тоскливые зауспокойные нотки.

— Хи-хи!

Мимо Шэнь Хо пронеслась стайка ребятишек. Пробегая, они нарочно толкнули его и состроили жуткие гримасы. Умчавшись в глухой угол двора, дети принялись весело щебетать.

— Учительница Ян сегодня станет женой самого божества!

— Врешь ты все! Это Силач-глупец хочет на ней жениться, вот и выдумал сказку про божью невесту!

— Сяо Пан, ты-то откуда знаешь?

— Мне бабушка рассказала!

— Да твоя бабка сто лет как померла! Как она могла тебе рассказать?

— Ха-ха-ха!

— Врунишка! Сяо Пан — врунишка!

Дети с хохотом повалились на землю, раз за разом затевая шуточную потасовку.

Шэнь Хо собрался было отвести взгляд, но его внимание привлекла внезапная перемена.

Пальцы детей, прижатые ко лбу пухлого Сяо Пана, внезапно вытянулись и заострились, превратившись в тонкие, как бритвенные лезвия, когти. С тихим, мерзким треском они поддели кожу у мальчика на макушке и одним рывком содрали ее целиком, точно кожуру со спелого персика.

При этом ребенок остался жив. Лишенный кожи, он стоял посреди двора — сплошное месиво из багрового мяса и сочащейся сукровицы, пугающе похожий на освежеванную обезьяну.

Остальные ребяташки с визгом принялись размахивать содранной шкурой. Сам Сяо Пан как ни в чем не бывало побежал следом. Похоже, отсутствие кожи его нисколько не беспокоило.

Взявшись за руки, дети закружились в хороводе, затянув звонкую песенку:

Кожу содери — будет фонарь,

Кости дроби — будет каркас,

Будет фонарик светить для нас!

Кожу твою на себя натяну,

Платье надену, пойду к жениху.

Дочку родную замуж ведут —

Кто же жених, как чудище звать?

Будет злой демон девицу ласкать...

Ой-ля-ля, ой-ля-ля...

Хи-хи-хи-хи!

Детский смех, сделавшись неестественно резким, зазвенел в ушах Шэнь Хо.

Почувствовав чужое внимание, дети разом обернулись. Их зрачки закатились, обнажив налитые кровью белки. Они уставились на Шэнь Хо слепыми, мертвыми бельмами.

— Братец, хочешь с нами в обдиралки сыграть? Хи-хи-хи...

Лишенный кожи Сяо Пан широко осклабился. От этого движения его левый глаз выпал из прогнившей орбиты и покатился по грязи прямо к ногам Шэнь Хо.

Ребенок опустил на колени и принялся вслепую шарить по земле.

Шэнь Хо опустил взгляд. Возле его носка лежала мутная сфера. Почти весь белок затянула багровая сетка лопнувших сосудов, а обрывки мышечной ткани вокруг подернулись гнилостной слизью. И все же этот выпавший глаз смотрел на него с явной, осознанной издевкой.

Глазное яблоко, покрытое дорожной пылью, казалось, злорадно щурилось.

В тот же миг ледяные, влажные пальцы вцепились в его одежду.

— Братец, ты не видел мой глазик? Я его потерял и никак не могу найти...

А синеватый шарик у ног Шэнь Хо продолжал безмолвно глумиться.

[А-а-а-а!]

[Что это за жуть?! Он... он двигается!]

[Слишком реалистично! Это не может быть графикой! Шэнь Хо ведь выберется оттуда живым?!]

[Спасите! Мамочки, что это за чертовщина?!]

[С него кожу заживо содрали, а он бежит! Господи, мне дурно...]

Зрители трансляции заходились в панике, но сам Шэнь Хо, находившийся в самом сердце кошмара, не поддавался страху. Его разум оставался холодным и ясным.

"Это мир призрачной невесты. Если она ждет от меня помощи, то здешние кошмары не причинят вреда."

Шэнь Хо медленно выдохнул, наклонился и брезгливо подобрал скользкую сферу.

Вдоль его позвоночника пробежала волна холода. Ощущение было омерзительным: глаз напоминал тугой резиновый шарик, наполненный теплой студенистой жижой, а липкая слизь тут же осталась на пальцах. Стоило взять его, как сфера судорожно провернулась в ладони, заставив волосы на затылке Шэнь Хо встать дыбом.

— Дерьмо, — пробормотал он под нос.

— Держи, — Шэнь Хо спокойно опустил влажный шарик в ладонь Сяо Пана.

Мальчик перестал ослабливаться. Он озадаченно наклонил голову набок, разглядывая странного человека.

— Ну и чего ты застыл? — спросил Шэнь Хо, заметив его недоумение.

Освеженный ребенок удивленно спросил:

— Братец, ты меня совсем не боишься?

— А должен?

Сяо Пан ловким движением вдавил глаз обратно в пустую, истекающую сукровицей впадину. Шэнь Хо удержал на лице вежливую улыбку, хотя мышцы его щек предательски онемели.

— Странно, — пробормотал Сяо Пан. — Дяди и тети, которые приходили сюда раньше, всегда орали от страха.

В голове Шэнь Хо вспыхнула догадка. Он присел на корточки, чтобы оказаться на одном уровне с ребенком.

— Малыш, ответишь на пару вопросов?

Детвора, сообразив, что их излюбленный трюк не сработал, утихомирилась. Движимые любопытством, дети плотным кольцом обступили Шэнь Хо. Враждебности в них больше не было.

— Спрашивай.

Поняв, что контакт налажен, Шэнь Хо решил не упускать возможность:

— Расскажите мне про учительницу Ян. Кто она такая? И куда подевались те дяди и тети, что приходили до меня?

Ребятня зашумела наперебой, устроив настоящий галдеж. Хотя детские рассказы и были путаными, Шэнь Хо сумел уловить суть.

Призрачную невесту при жизни звали Ян Ии. Она приехала в эту глушь преподавать добровольцем. Красивая, статная, улыбчивая — она сразу привлекла внимание местных парней. Приехала она не одна, а вместе с близкой подругой, Чжоу Мэн. На самом деле волонтерство было идеей именно Чжоу Мэн.

Девушки лелеяли прекрасную мечту: обучить местных ребятишек, чтобы те смогли вырваться из нищеты и уехать из затерянной в горах глуши. Но мечты разбились о суровую реальность.

Подруги выбрали самый отдаленный уголок на юго-западе. Дороги в эти края практически отсутствовали, а о школьных принадлежностях никто и не слышал. Деревня Сафора была глухим, диким захолустьем.

Все местное население принадлежало к одному родовому клану. Жизнь тут подчинялась строгим законам предков, а в умах прочно укоренился дремучий патриархальный уклад. Женщина здесь за человека не считалась, что превратило жизнь молодых учительниц в сущую каторгу.

Старейшины, отродясь не знавшие грамоты, свято верили, что женщине у доски делать нечего. От столичных девок, мол, один вред — только отвлекают молодых работяг от пахоты.

К тому же молодые парни повадились бросать работу, лишь бы лишний раз поглазеть на городских учительниц. Старики быстро рассудили: девицы эти не иначе как лисицы-соблазнительницы, явившиеся сбивать честных тружеников с пути истинного!

Ребята вспоминали, как прямо посреди занятий в класс врываются горластые деревенские бабы и устраивали скандалы. В конце концов родители запретили детям ходить в школу. Мол, вместо полезной науки столичные выскочки учат их бог весть чему.

Один из мальчишек забавно упер руки в бока и принялся грозить пальцем воздуху, в точности копируя спесивый тон своего отца.

Из этих детских рассказов Шэнь Хо понял, насколько глубокой была неприязнь жителей к двум беззащитным девушкам.

Их благородный порыв угас, едва начавшись.

Но это были лишь цветочки. Настоящий кошмар ждал впереди.

Каждый год девятого числа девятого лунного месяца в деревне Сафора проводился древний обряд жертвоприношения.

И молодые учительницы приехали сюда как раз вовремя.

<http://bllate.org/book/19659/2002996>